

ФОТО: YONHAP NEWS/UMA/NEWS.COM

Разработчик политики и переговорщик

Бывшая глава министерства торговли Южной Кореи Ю Мён Хи обсуждает рост своей страны и существующие риски в условиях экономической фрагментации

КОГДА КАНДИДАТУРА Ю МЁН ХИ была выдвинута на пост руководителя Всемирной торговой организации, она рассказала участникам, что родилась в 1967 году, в год присоединения Южной Кореи к Генеральному соглашению по тарифам и торговле (ГАТТ), а в 1995 году, когда на смену ГАТТ пришла ВТО, начала свою карьеру в Министерстве торговли, промышленности и энергетики. Она отметила беспрецедентный прогресс Кореи от бедности и войны к статусу мирового торгового лидера, объясняя эту трансформацию участием страны в открытой торговле.

Ю Мён Хи, первая женщина, ставшая министром торговли Кореи, занимала этот пост с 2019 по 2021 год и дошла до финального раунда отбора на должность генерального директора ВТО, но уступила Нгози Оконджо-Ивеале из Нигерии. За почти три десятилетия работы в правительстве ей приходилось вести переговоры по Всеобъемлющему региональному экономическому партнерству, а также по двусторонним торговым соглашениям с Китаем и США.

Ю Мён Хи окончила Юридическую школу Университета Вандербилта и Сеульский национальный университет, где в настоящее время она является приглашенным профессором Высшей школы международных исследований. Она выросла в Ульсане, промышленном центре, из которого ведут свою деятельность такие гиганты мировой торговли, как Hyundai.

ФиР: Как юные годы в Ульсане повлияли на Ваши представления о торговле?

ЮМ: В Ульсане были сосредоточены все крупные производственные предприятия, туда стекались специалисты со всей страны. Благодаря многосторонней торговой системе мы могли экспортировать произведенную в Ульсане продукцию по всему миру.

Но при устройстве на работу торговым экспертом наиболее интересным моментом для меня было не это. В Корею, которую принято считать классическим примером успешного роста и развития за счет торговли, торговля также породила противоречия. Во время последнего этапа переговоров Уругвайского раунда в 1990 году корейский фермер попытался покончить с собой перед зданием ВТО в Женеве в знак протеста против открытия рынка в сельскохозяйственном секторе.

И в дальнейшем каждое обсуждение открытия дополнительных рынков сопровождалось массовыми протестами и демонстрациями, что затрудняло формирование в обществе поддержки торговых инициатив. Это меня глубоко интересовало — роль разработчика торговой политики и участника торговых переговоров, сложнейшая задача согласования разнонаправленных и противоречивых интересов на внутреннем уровне, наряду с необходимостью представлять интересы своей страны и участвовать в международном нормотворчестве на внешнем уровне.

ФиР: Какое отражение этот опыт нашел в Вашей переговорной деятельности?

ЮМ: В этой области все более важное значение приобретают тщательная подготовка и внутренняя консалтинговая деятельность. Во-первых, требуется доскональное понимание сути вопросов, основанное на их всестороннем изучении. Первостепенное значение имеет проведение обстоятельных консультаций с национальными заинтересованными сторонами и ведомствами, чтобы изучить альтернативные варианты, определить переговорный диапазон и сформировать четкие «красные линии» для переговоров. Эта деятельность также повышает вероятность беспрепятственной ратификации и успешной реализации в будущем. Однако все это отнимает немало времени и усилий.

Например, когда я возглавляла делегацию на переговорах о пересмотре соглашения между Кореей и США, нам пришлось приостановить общественные слушания, предписанные законом для начала переговоров по соглашению о свободной торговле в Корее. Это было связано с активными протестами представителей сельскохозяйственного сектора. Я неоднократно встречалась с протестующими, чтобы донести до них суть проблем и заручиться их поддержкой и пониманием. Благодаря этим встречам нам удалось возобновить общественные слушания в нормальной обстановке. Более того, у некоторых из нас даже сложились дружеские отношения. Эти усилия также помогли нам завершить переговоры и добиться ратификации в Национальном собрании в течение года.

ФиР: Как опыт работы советником в Пекине с 2007 по 2010 год пригодился Вам на будущих более ответственных постах, например, на переговорах с Китаем?

ЮМ: В то время Пекин был другим, потому что Китай активно налаживал взаимодействие с другими странами и открывал свои рынки. Например, в 2008 году Китай заключил соглашение о свободной торговле (ССТ) с Новой Зеландией, ставшее его первым комплексным соглашением и первым ССТ с развитой страной на тот момент.

Я тесно сотрудничала с Китаем и занималась расширением его торгово-инвестиционных связей с Кореей, участвуя в проведении совместного анализа экономической целесообразности корейско-китайского ССТ. Многие из тех, с кем мне пришлось познакомиться и сотрудничать, также стали моими друзьями. С тех пор изменился как политический курс Китая, так и общий экономический торговый ландшафт.

ФиР: Каково было столкнуться с пандемией COVID-19 спустя год после назначения министром?

ЮМ: Большую часть своей карьеры торгового эксперта я выступала за свободную торговлю и открытые рынки, что согласовывалось с общепринятым мнением относительно их положительного влияния на экономический рост, увеличение конкурентоспособности, инноваций и повышение уровня жизни.

Однако на посту министра торговли я стала свидетелем глобального сдвига в сторону соображений безопасности. Иногда это называют переходом от управления торговлей на основе правил к «подходу, ориентированному на безопасность», который подчеркивает устойчивость, стабильность и надежность цепочек поставок.

Начало этого перехода, с усилением внимания к экономической безопасности, пришлось как раз на 2019–2021 годы. Я должна была адаптироваться к этой новой реальности: с одной стороны продолжать содействовать открытой и свободной торговле, а с другой — повышать устойчивость цепочек поставок.

Несмотря на COVID-19, мы подписали соглашение о Всеобъемлющем региональном экономическом партнерстве с 15 членами. По сути, мы заключили его еще до пандемии, но подписан сам документ был только после годичных переговоров по техническим вопросам для устранения пробелов. Кстати, все это нам пришлось делать в виртуальном режиме, что было непросто.

ФиР: Как, по Вашему мнению, пандемия повлияла на торговлю?

ЮМ: Было много сбоев в поставках, что заставило нашу страну и наши компании переоценить риски и уязвимости в соответствующих цепочках.

В самом начале пандемии корейский автопроизводитель Hyundai лишился возможности импортировать автожгуты из Китая из-за произошедшей там вспышки заболевания. Это не такой сложный продукт, как полупроводники, его можно произвести и вручную. Но 95 процентов жгу-

тов поставлялось из Китая. И когда заводы в Китае закрылись, Hyundai Motor пришлось приостановить производство на заводах в Ульсане, потому что они не могли получить жгуты. Позже была налажена поставка автожгутов из Камбоджи. В том же году мы начали переговоры по ССТ с Камбоджей.

ФиР: Усиливается ли риск фрагментации мировой экономики? Насколько он угрожает Корее?

ЮМ: Тенденции не могут не беспокоить: растущая политизация экономических и торговых вопросов, подход к торговле с ориентацией на безопасность, смешение торговой политики с безопасностью. На фоне усиливающейся обеспокоенности относительно национальной безопасности, а также геополитической конкуренции между США и Китаем многие разработчики политики в ведущих странах и во всем мире рассматривают экономические вопросы через призму национальной безопасности.

Это проявляется в различных аспектах политики, включая реконфигурацию цепочек поставок, организацию производства внутри страны, возвращение производства из-за рубежа или перенос его в дружественные страны, возрождение промышленной политики и масштабных субсидий, регулирование экспорта и контроль инвестиций. Такого рода меры политики способны оказать долгосрочное влияние на глобальные цепочки поставок и привести к фрагментации в критически важных секторах. Как отмечается в последнем выпуске доклада МВФ «Перспективы развития мировой экономики», это может способствовать увеличению стоимости ведения бизнеса, ограничить доступ компаний к мировым рынкам, повысить неопределенность в сфере торговли, привести к протекционизму и торговым спорам.

Несмотря на наше стремление оставаться страной со свободной торговлей, эти тенденции не обошли стороной и Корею. Устойчивость цепочек поставок и экономическая безопасность у всех на слуху и в Сеуле. С учетом этого были сделаны шаги к повышению устойчивости, которые включали поддержку промышленной и технологической конкурентоспособности в критически важных секторах и диверсификацию.

Кроме того, мы активно развиваем международное сотрудничество в рамках двусторонних, плюрилатеральных и многосторонних соглашений, признавая, что повышение устойчивости цепочки поставок не обязывает нас отказываться от экономической открытости и может быть достигнуто совместными усилиями.

Пока неясно, как далеко зайдет эта тенденция фрагментации. Однако впереди нас ждут серьезные испытания. Всем странам, в том числе и Корее, придется адаптироваться к этим изменениям. Необходимо поддерживать и развивать открытую торговлю, соблюдая оптимальный баланс между эффективностью, устойчивостью и безопасностью цепочек поставок. **ФР**

Текст интервью отредактирован для краткости и ясности изложения.